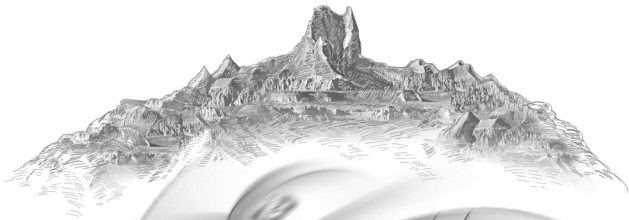

ΚΑΡΛΟΣ
ΚΑΣΤΑΝΕΔΑ

КАРЛОС КАСТАНЕДА

ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ

ДАР ОРЛА

«СОФУЯ»

2017

УДК 821.111(73)–312.1

ББК 88.6

К28

К28 Кастанеда Карлос
Второе кольцо силы. Дар Орла / Перев. с англ. —
М.: ООО Книжное издательство «София», 2017. —
544 с.

ISBN 978–5–906749–18–5

Спрыгнув со скалы в пропасть, Карлос остался в живых. Он возвращается в Мексику, чтобы узнать, был ли реальным этот невероятный прыжок. Неожиданно он встречается с группой женщин–магов, тоже учениц дона Хуана, и, чтобы не погибнуть в стычке с ними, обнаруживает в себе магическую способность выходить из своего тела в виде могущественного дубля.

Он узнает, что все атаки на него были спланированы самим доном Хуаном для того, чтобы он открыл в себе силу и осознал себя как нового Нагваля. В результате взаимодействия с безупречной женщиной–воином Ла Гордой, Карлос принимает на себя ответственность лидера новой партии Нагваля.

Автор пытается возглавить новый отряд магов. Получается это у него пока очень плохо. У всех учеников периодически возникают странные воспоминания о событиях, которых не было и не могло быть в мире обычного восприятия. Конфликты между Кастанедой и другими учениками все возрастают. И вдруг с помощью Ла Горды новый Нагваль вспоминает, что в связи с особой структурой своего энергетического тела — светящегося кокона — он не может быть их лидером. Пути их расходятся. С ним остается только Ла Горда. Они вместе уезжают в Лос–Анджелес, где занимаются совместными путешествиями в сновидении и в состоянии повышенного осознания пытаются вспомнить все то, что происходило с ними в годы ученичества.

УДК 821.111(73)–312.1

ББК 88.6

The Second Ring of Power by Carlos Castaneda

© 1977 by Carlos Castaneda

The Eagle's Gift by Carlos Castaneda

© 1981 by Carlos Castaneda

Печатается с разрешения Simon & Shuster Inc.

ISBN 978–5–906749–18–5 © ООО Книжное издательство «София», 2014

Содержание

ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ГЛАВА 1. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДОНЬИ СОЛЕДАД	9
ГЛАВА 2. СЕСТРИЧКИ	62
ГЛАВА 3. ЛА ГОРДА	95
ГЛАВА 4. ХЕНАРОС	141
ГЛАВА 5. ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ	185
ГЛАВА 6. ВТОРОЕ ВНИМАНИЕ	232

ДАР ОРЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ	274
-----------------------	-----

Часть первая ДРУГОЕ «Я»

ГЛАВА 1. ФИКСАЦИЯ ВТОРОГО ВНИМАНИЯ	278
ГЛАВА 2. СОВМЕСТНОЕ ВИДЕНИЕ	295
ГЛАВА 3. КВАЗИВОСПОМИНАНИЯ ДРУГОГО «Я»	312
ГЛАВА 4. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ ПРИВЯЗАННОСТИ	327
ГЛАВА 5. ОРДА РАЗГНЕВАННЫХ МАГОВ	345

Часть вторая ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ

ГЛАВА 6. ПОТЕРЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ФОРМЫ	364
ГЛАВА 7. СОВМЕСТНОЕ СНОВИДЕНИЕ	378
ГЛАВА 8. ПРАВО- И ЛЕВОСТОРОННЕЕ ОСОЗНАНИЕ	400

Часть третья
ДАР ОРЛА

ГЛАВА 9. ПРАВИЛО НАГВАЛЯ	416
ГЛАВА 10. ПАРТИЯ ВОИНОВ НАГВАЛЯ	431
ГЛАВА 11. ЖЕНЩИНА-НАГВАЛЬ	452
ГЛАВА 12. НЕ-ДЕЛАНИЕ СИЛЬВИО МАНУЭЛЯ	467
ГЛАВА 13. ТОНКОСТИ ИСКУССТВА СНОВИДЕНИЯ	482
ГЛАВА 14. ФЛОРИНДА	498
ГЛАВА 15. ПЕРНАТЫЙ ЗМЕЙ	526

ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ

Предисловие

Местом моей последней встречи с доном Хуаном, доном Хенаро и еще двумя их учениками, Паблито и Нестором, стала плоская безжизненная вершина горы на западных склонах Сьерра-Мадре в Центральной Мексике. Торжественность и масштабы происшедшего там не оставляли сомнений, что мое ученичество подошло к концу и что я действительно видел дона Хуана и дона Хенаро в последний раз. Встреча завершилась тем, что мы все попрощались друг с другом, а затем мы с Паблито вместе прыгнули с вершины горы в пропасть.

Дон Хуан дал мне общие пояснения для предстоящих во время прыжка событий. Прыгнув в пропасть, я должен был стать чистым восприятием и двигаться вперед и назад между *тоналем* и *нагвалем*, двумя внутренне присущими всем существам состояниями.

Во время прыжка мое восприятие семнадцать раз перекакивало от *тоналя* к *нагвалю* и обратно. При переходах в *нагваль* возникало ощущение распада тела. Мыслить и чувствовать связно я не мог, хотя что-то думал и как-то чувствовал. При возвращении в *тональ* восстанавливалось единство. Я опять был целостным, и восприятие обретало связность. У меня были упорядоченные видения. Их интенсивность становилась столь сильной, живость — такой реальной, что не было способа удовлетворительно объяснить их природу. Сказать, что они были видениями, живыми грезами или даже галлюцинациями, — значит не сказать ничего.

После самого тщательного и внимательного исследования и анализа своих ощущений, восприятий и интерпретаций этого прыжка я окончательно убедился, что мой разум отказывается верить в реальность происшедшего. И все же какая-то часть меня сохраняла уверенность в том, что *это* случилось, что я действительно прыгнул.

Дон Хуан и дон Хенаро были теперь недостижимы. Их отсутствие вызывало у меня настоятельную потребность пробиться сквозь гущу совершенно неразрешимых противоречий.

Я вернулся в Мексику, чтобы повидать Паблито и Нестора и искать у них помощи в решении моих внутренних кон-

фликтов. Но то, с чем я столкнулся во время своей поездки, нельзя охарактеризовать иначе как мощную атаку, финальное нападение на мой разум, запланированное самим доном Хуаном. Направляемые им ученики самым методичным и точным образом за несколько дней разрушили последний бастион моего разума. В течение этих дней мне был продемонстрирован один из двух практических аспектов магии — *искусство сновидения*, являющееся на сегодняшний день ядром всей работы.

Искусство сталкинга — еще один практический аспект магии и венец фундамента учения дона Хуана и донна Хенаро, продемонстрированный мне во время следующих встреч. Оно являлось наиболее сложной стороной их существования как магов в мире повседневной жизни.

Глава 1

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ДОНЬИ СОЛЕДАД

У меня возникло внезапное предчувствие, что Паблито и Нестора дома нет. Моя уверенность в этом была настолько глубокой, что я остановил машину. Дальше кончался асфальт, и я раздумывал, стоит ли продолжать в этот день долгую и трудную езду по крутой, покрытой крупной щебенкой дороге в их городок, затерянный в горах Центральной Мексики.

Я опустил боковое стекло. Было довольно ветрено и холодно. Я вышел, чтобы размять одеревеневшее от напряжения многочасовой езды тело, и прошелся по обочине мощеной дороги. Земля была сырой после недавнего ливня. Сильный дождь все еще шел на склонах гор к югу, совсем недалеко от места моей остановки. Однако прямо напротив, на севере и на востоке, небо было чистым. Еще по пути сюда при поворотах извилистой дороги иногда можно было видеть там голубоватые пики горных вершин, сияющие на солнце.

После минутного раздумья я решил вернуться назад и поехать в город — у меня было странное предчувствие, что я найду дона Хуана на рынке. Собственно говоря, я обычно поступал именно так с самого начала нашей с ним связи: всегда встречал его на рыночной площади. Как правило, если я не находил его в Соноре, то ехал в Центральную Мексику, шел на базар в этом городе — и рано или поздно дон Хуан объявлялся. В таких случаях мне ни разу не пришлось ожидать его более двух дней. Я настолько привык встречаться с ним таким образом, что не сомневался — так будет и на этот раз.

Я ждал на рынке всю вторую половину дня. Прохаживаясь туда и сюда по рядам, я изображал человека, желающего сделать покупку. Потом я пошел побродить в парке. С наступлением сумерек я уже знал, что он не придет. У меня было ясное ощущение, что он был здесь, но уже ушел. Я опустился на скамейку в парке, где мы сидели с ним столько раз, и попытался проанализировать свои ощущения.

В город я приехал в приподнятом настроении, твердо зная, что дон Хуан где-то тут, на улицах. То, что я ощущал, не было просто памятью о бесчисленных прежних встречах; мое тело знало, что он ищет меня. Но потом, когда я сидел на скамейке, у меня появилась странная уверенность другого рода. Я знал, что его тут больше не было. Я упустил его.

Спустя некоторое время я прекратил свои бесплодные умствования. Я подумал, что на меня начинает действовать окружающая обстановка. Моя рассудительность и в прошлом покидала меня после нескольких дней, проведенных в этой местности. Я пошел в свой номер в отеле, чтобы пару часов отдохнуть, а потом вышел побродить по улицам. Предчувствие встречи с доном Хуаном улетучилось. Я сдался и вернулся обратно в отель, чтобы хоть выспаться как следует.

Утром, перед отъездом в горы, я на всякий случай объехал главные улицы города, хотя совершенно точно знал, что напрасно теряю время: дона Хуана здесь не было.

Я потратил все утро, чтобы добраться до маленького городка, где жили Паблито и Нестор. Я прибыл около полудня. Дон Хуан учил меня никогда не заезжать прямо в город, чтобы не привлекать любопытства зевак. Всякий раз, бывая здесь, я перед самым городом всегда съезжал с дороги на ровное поле, где подростки обычно играли в футбол. Почва на поле была хорошо утрамбованной до самой тропы,

проходящей мимо домов Паблито и Нестора, и достаточно широкой для проезда. Они жили в предгорьях к югу от городка. Доехав до края поля, я вдруг обнаружил, что пешеходная тропа превратилась за время моего отсутствия в очень неплохую гравийную дорогу.

Я размышлял, куда направиться — к дому Нестора или к Паблито. Ощущение, что их там нет, упорно сохранялось. Я решил ехать к дому Паблито. Нестор жил один, тогда как у Паблито были мать и четыре сестры. Если нет его самого, я смогу узнать у женщин, где его искать. Приближаясь к дому, я заметил, что грунтовая тропа у дома расширена. Грунт казался твердым, места для машины было достаточно, поэтому я подъехал почти к передней двери. К дому из необожженного кирпича была пристроена новая веранда, покрытая черепичной крышей. Почему-то не было слышно привычного собачьего лая, но из-за загородки за мной спокойно и внимательно наблюдал громадный пес. Выводок цыплят, кормившихся у дома, с писком рассыпался в стороны. Я выключил мотор и потянулся всем уставшим телом, вытянув руки над головой.

Дом казался опустевшим. У меня мелькнула мысль, что Паблито и его семья выехали и в доме живет кто-то другой. Внезапно передняя дверь с шумом распахнулась, и оттуда так стремительно выскочила мать Паблито, будто ее кто-то вытолкнул. Она уставилась на меня непонимающим взглядом. Когда я вышел из машины, она, казалось, узнала меня. Она как-то очень грациозно вздрогнула всем телом и бросилась ко мне. Должно быть, она вздремнула и шум машины разбудил ее. Потому-то она и не сразу узнала меня, выбежав посмотреть, в чем дело. Нелепый вид бегущей ко мне старой дамы заставил меня улыбнуться. Но когда она приблизилась, я на мгновение усомнился, действительно ли это мать Паблито. Уж слишком проворно она двигалась.

— Боже мой, что за сюрприз! — воскликнула она.

— Донья Соледад? — спросил я недоверчиво.

— Ты меня не узнаешь? — ответила она, смеясь.

Я забормотал какую-то ерунду о ее удивительной жизни.

— Ты почему всегда смотришь на меня как на беспомощную старуху? — спросила она, глядя насмешливо и вызывающе.

И тут же, не дав мне опомниться, она резко обвинила меня в том, что я дал ей прозвище «Миссис Пирамида». Я вспомнил, что когда-то сказал Нестору, что ее формы напоминают мне пирамиду. У нее была маленькая заостренная голова и широкий массивный зад. Длинные платья, которые она обычно носила, еще больше усиливали этот эффект.

— Посмотри-ка на меня, — сказала она, — я все еще похожа на пирамиду?

Она улыбнулась, и под ее взглядом я почувствовал себя не слишком уютно. Я попытался отшутиться, но она оборвала меня, заставив признаться, что именно я дал ей это прозвище. Я заверил ее, что ничего дурного не имел в виду и, что бы там ни было раньше, в данный момент она стала такой стройной, что о пирамиде больше вспоминать не приходится.

— Что с тобой произошло, донья Соледад? — спросил я. — Ты просто преобразилась!

— Ты сам сказал это, — мгновенно ответила она. — Да, я преобразилась.

Выразился я фигурально. Однако приглядевшись повнимательней, я должен был признать, что метафоры тут неуместны. Она действительно совершенно изменилась. Внезапно во рту у меня появился сухой металлический привкус. Я испугался.

Она стояла, подбоченясь и слегка расставив ноги, и смотрела мне в лицо. Она была одета в светло-зеленую юбку в складку и вылинявшую блузку. Ее юбка была гораздо короче тех, которые она обычно носила. Я не мог разглядеть ее волос: она перевязала их широкой повязкой, похожей на тюрбан. Она была босая и ритмично постукивала своей большой ступней по земле, улыбаясь с простодушием юной девушки. Мне еще никогда не приходилось видеть женщину, которая распространяла бы вокруг себя столько силы. Я заметил странный блеск в ее глазах, волнующий, но не пугающий. Я подумал, что до сих пор по-настоящему не присматривался к ней. Кроме всего прочего, я чувствовал себя виноватым в поверхностном отношении к людям, жившим здесь. Сила личности дона Хуана делала окружающих по сравнению с ним серыми и невзрачными.

Я сказал ей, что никогда не представлял себе, что она обладает столь значительной жизненной силой и что только

моя невнимательность виной тому, что я не знал ее на самом деле и, я надеюсь, теперь у меня будет возможность узнать ее поближе.

Она подошла ко мне, улыбнулась и мягко взяла меня под руку своей правой рукой.

— Непременно, — прошептала она мне на ухо.

Ее улыбка застыла и глаза остекленели. Она была так близко, что я ощущал касание ее груди. Мое смятение возрастало, но я попытался убедить себя, что причин для тревоги нет. Снова и снова я повторял себе, что просто никогда не знал матери Паблито и что, возможно, такое поведение было вполне обычным для нее. Но какая-то испуганная часть меня знала, что для такого самоуспокоения нет никаких оснований. Вопреки моим нынешним покаянным комплиментам, я действительно не только помнил ее достаточно хорошо, но и совсем неплохо знал ее. Она была для меня архетипом матери. Я думаю, что ей было лет под шестьдесят или даже больше. Ее дряблые мышцы с трудом передвигали старое тело, волосы были почти совсем седыми. Она была, насколько я помнил ее, унылой и печальной женщиной с мягкими и красивыми чертами лица, преданной и страдающей матерью, вечно занятой на кухне, вечно усталой. Я помнил очень добрую бескорыстную женщину, такую робкую, что все ею просто помыкали. Вот таким было мое представление о ней, сложившееся за годы случайных контактов. Но сегодня что-то ужасно изменилось. Женщина, стоявшая передо мной, не укладывалась в мое представление о матери Паблито. Тем не менее это была она, только невероятно стройная и сильная, выглядевшая лет на двадцать моложе, чем при нашей последней встрече. Я заметил, что весь дрожу.

— Дай мне посмотреть на тебя, — сказала она. — Нагваль говорил нам, что ты — дьявол.

Тут я вспомнил, что все они: Паблито, его мать, сестры и Нестор, — словно избегая произносить имя донна Хуана, называли его «Нагваль». В разговорах с ними привык так называть его и я.

Она смело положила руки мне на плечи — жест, немислимый для матери Паблито, прежней доньи Соледаа. Мое тело напряглось. Я онемел. Наступила долгая пауза, позволившая мне критически взглянуть на себя со стороны. Ее появление

и поведение испугали меня до такой степени, что я забыл спросить о Паблито и Несторе.

— Скажи мне, где Паблито? — спросил я, охваченный волной внезапной тревоги.

— А, он ушел в горы, — ответила она уклончиво и отодвинулась от меня.

— А Нестор?

Она возвела глаза к небу, демонстрируя досаду и безразличие.

— Они вместе в горах, — сказал она тем же тоном.

С сильным облегчением я сказал ей, что уверен — с ними все в порядке.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Волна счастья и радостного возбуждения заставила меня обнять ее. Она страстно прижала меня к себе, и это так поразило меня, что у меня перехватило дыхание. Ее тело было твердым, в ней чувствовалась необычайная сила. Мое сердце заколотилось. Я постарался осторожно отстранить ее и спросил, виделся ли еще Нестор с доном Хуаном и доном Хенаро. Во время нашей последней встречи дон Хуан сомневался, готов ли Нестор к окончанию своего ученичества.

— Хенаро ушел навсегда, — сказала она, позволив мне высвободиться. Она нервно теребила край своей блузы.

— А как насчет дона Хуана?

— Нагваль тоже ушел, — сказала она, поджав губы.

— Куда они ушли?

— Ты хочешь сказать, что ты этого не знаешь?

Я сказал ей, что они попрощались со мной два года назад и я знаю только, что тогда они ушли. Я не отваживался даже думать о том, куда они ушли. Они и в прошлом никогда не говорили мне о том, где их искать. Я давно смирился с фактом, что если бы они захотели исчезнуть из моей жизни, то им просто нужно было отказаться от встреч со мной.

— Их нет поблизости, это точно, — сказала она, нахмурившись. — И они не собираются возвращаться обратно — это тоже точно.

Ее голос был холодным и бесстрастным. Она начала раздражать меня. Мне захотелось уехать.

— Но зато ты здесь, — сказала она, улыбнувшись. — Тебе надо подождать Паблито и Нестора. Они очень хотят тебя видеть.

Она схватила меня за руку и потянула прочь от машины. В прошлом такая смелость с ее стороны была просто невысказана.

— Но сначала позволь мне показать тебе моего друга, — сказала она и с силой потащила меня в сторону дома.

Там была отгороженная площадка, похожая на маленький загон. В нем находился огромный кобель. Прежде всего мне бросилась в глаза его великолепная блестящая желтовато-коричневая шерсть. Это явно была не обычная собака. Он не был привязан и легко мог бы перепрыгнуть изгородь. Пес остался безразличным к нашему визиту, он даже не шевельнул хвостом.

Донья Соледад указала на большую клетку позади. В ней, свернувшись, лежал койот.

— Это мой друг, — сказала она. — Пес — нет. Он принадлежит моим девочкам.

Пес посмотрел на меня и зевнул. Мне он очень понравился. У меня возникло нелепое ощущение сродства с ним.

— Теперь пошли в дом, — сказала она и потянула меня за руку.

Я заколебался. Какая-то часть меня была крайне встревожена и хотела немедленно убраться отсюда: но что-то противоположное во мне ни за что на свете уходить не хотело.

— Может, ты боишься меня? — спросила она обвиняющим тоном.

— Конечно, боюсь! — воскликнул я.

Она хихикнула и самым доверительным тоном сообщила, что она — грубая, простая женщина, очень неуклюже владеет речью и совсем не умеет вести себя с людьми. Она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что дон Хуан поручил ей помочь мне, так как очень обо мне заботился.

— Он говорил нам, что ты несерьезный и везде шляешься, причиняя много неприятностей ни в чем не повинным людям.

До сих пор под ее утверждения были сравнительно ясными, но я никак не мог представить себе, чтобы дон Хуан говорил обо мне такие вещи.

Мы вошли в дом. Я собрался было сесть на скамейку, где обычно сидели мы с Паблито, но она остановила меня.

— Это место не для нас с тобой, — сказала она. — Пойдем в мою комнату.

— Я лучше буду сидеть здесь, — сказал я твердо. — Я знаю это место* и чувствую здесь себя очень удобно.

Она недовольно фыркнула, как разочарованный ребенок. Поджатая верхняя губа у нее при этом была похожа на утиный клюв.

— Что-то здесь ужасно не так, — сказал я. — Я думаю, мне лучше будет уехать, если ты не объяснишь мне, что происходит.

Она пришла в сильное возбуждение и стала доказывать мне, что просто не знает, как со мной разговаривать. Я поставил ее перед фактом ее очевидного пренебрежения и потребовал, чтобы она рассказала мне, что случилось. Я должен был знать, как это произошло.

— Если я расскажу тебе, ты останешься? — спросила она ребячливым голоском.

— Придется остаться.

— В таком случае я все тебе расскажу. Но это должно происходить в моей комнате.

На мгновение меня охватила настоящая паника. Чтобы успокоиться, мне пришлось сделать крайнее усилие. Мы направились в ее комнату. Она жила в задней половине дома, где Паблито построил для нее спальню. Я уже был в этой комнате однажды, когда она строилась, и еще раз, когда она была закончена, как раз перед вселением туда доньи Соледад. Комната выглядела такой же пустой, как и раньше, если не считать кровати в самом центре и двух скромных комодов у двери. Побелка на стенах поблекла и приобрела очень успокаивающий желтоватый оттенок. Деревянный потолок тоже потемнел от времени. Глядя на гладкие чистые стены, я думал, что их каждый день моют губкой. Комната больше всего напоминала монашескую келью, очень скромную и аскетическую. В ней не было никаких украшений. На окнах — массивные ставни с железными засовами. Не было ни стульев, ни вообще чего-нибудь, на чем можно было бы сидеть.

Донья Соледад забрала у меня блокнот, прижала его к груди и села на кровать, сделанную из двух толстых матрасов, положенных прямо на доски. Она показала мне, чтобы я сел рядом с ней.

* В оригинале — «spot» (англ.) — «пятно», здесь подразумевается «место силы».

— Ты и я — одно и то же, — сказала она, вручив мне мою записную книжку.

— Прости, я не понял.

— Ты и я — одно, — не глядя на меня, повторила она.

Я не мог сообразить, что она имеет в виду. Она уставилась на меня, ожидая моей реакции.

— Но что это значит, донья Соледад? — спросил я.

Мой вопрос, казалось, озадачил ее, как если бы я спрашивал о чем-то очевидном. Она вначале засмеялась, но, когда я стал настаивать, что действительно не понимаю, она рассердилась. Сидя на кровати, она выпрямилась и, гневно взглянув на меня, обвинила в неискренности. Ее глаза пылали, рот скривился в гримасе ярости, и она сразу опять сделалась старухой.

Я искренне недоумевал, не чувствуя себя лицемером. Казалось, и она тоже была в затруднении. Она пыталась что-то сказать, но только беззвучно шевелила губами. Наконец она пробормотала, что я действую в такой важный момент не безусловно. Она повернулась ко мне спиной.

— Посмотри на меня, донья Соледад, — сказал я твердо. — Я никоим образом не ввожу тебя в заблуждение. Ты, должно быть, знаешь нечто такое, о чем я сам не имею ни малейшего понятия.

— Ты слишком много разговариваешь, — ответила она. — Нагваль говорил, чтобы я никогда не позволяла тебе разговаривать. Ты все перекручиваешь.

Она соскочила на пол и топнула ногой, как избалованный ребенок. И тут я заметил, что в комнате был совсем другой пол. Я помнил, что раньше здесь был темный, земляной. Новый пол был охристо-розового цвета. Я моментально забыл о нашей стычке и обошел комнату. Было непонятно, как я сразу не обратил внимания на это великолепие. Сначала я подумал, что это красная глина, уложенная как цемент, когда он еще мягкий и влажный, но тут я заметил, что на нем не было трещин. Высохнув, глина должна была изогнуться, растрескаться, распасться на куски. Я наклонился и осторожно провел пальцами по полу. Он был твердым, как кирпич. Глина была обожженной. Я обнаружил, что пол сделан из больших глиняных плиток, образующих удивительный и завораживающий узор, совершенно незаметный, если специально не обращать на него внимания. Искусство, с ко-

торым были выложены плитки, указывало на очень хорошо продуманный план. Мне захотелось узнать, как такие большие плитки не покоробились при обжиге. Я было обернулся спросить донью Соледад, но спохватился: она, скорее всего, не знала этого. Я снова стал расхаживать по полу. Глина была немного шероховатой, почти как песчаник.

— Это Паблито выложил пол? — спросил я.

Она не ответила.

— Великолепная работа, — сказал я. — Ты должна очень гордиться им.

Я не сомневался, что это сделал Паблито. Ни у кого другого не нашлось бы способностей и воображения задумать такое. Должно быть, он сделал этот пол, когда меня здесь не было. Но я тут же вспомнил, что никогда не бывал в комнате доньи Соледад с тех пор, как ее пристроили к дому шесть или семь лет тому назад.

— Паблито, Паблито! Вот еще! — воскликнула она сердитым раздраженным голосом. — По-твоему, он — единственный, кто способен сделать такую вещь?

Мы обменялись долгими и пристальными взглядами, и вдруг я понял, что это она сделала пол и что вдохновил ее на это дон Хуан.

Мы молча стояли, глядя друг на друга еще некоторое время. Я чувствовал, что было излишним спрашивать ее, прав ли я.

— Я сделала его сама, — сказала она сухо. — Нагваль научил меня как.

Ее слова привели меня в эйфорическое состояние. Я заключил ее в объятия и закружился с ней по комнате. После этого я буквально забросал ее вопросами. Я хотел знать, как она сделала плитки, что означали узоры, где она брала глину. Но донья Соледад не разделяла моего восторга. Она оставалась безмолвной и безучастной, время от времени искоса поглядывая на меня.

Я снова прошелся по полу. Кровать была расположена точно в эпицентре сходящихся линий. Глиняные плитки были обрезаны под острым углом, создавая сходящиеся линии, которые начинались под кроватью и разбегались по всей комнате.

— У меня нет слов, чтобы передать тебе, как я восхищен, — сказал я.

— Слова. Кому они нужны? — отрезала она.

Внезапно меня озарило. Мой разум опять предал меня. Был только один способ объяснения ее метаморфозы: дон Хуан, должно быть, сделал ее своей ученицей. Как иначе старая женщина могла обратиться в такое таинственное, полное силы существо? Я должен был понять это с первого взгляда. Но я, как обычно, ожидал увидеть то, что соответствовало моим представлениям о ней, а в них такая возможность не входила.

Я подумал, что поразительное превращение, которому способствовал дон Хуан, произошло с ней в течение тех двух лет, что я не видел ее. Хотя непонятно, как можно было уложиться в такой короткий срок.

— Я, кажется, догадываюсь, что произошло с тобой, — сказал я нарочито небрежно и бодро. — Кое-что прояснилось у меня в голове прямо сейчас.

— Ах вот как? — равнодушно сказала она.

— Нагваль тебя учит магии, не правда ли?

Она бросила на меня такой свирепый взгляд, как если бы я не мог сказать ничего хуже. Ее лицо выражало только презрение. Она не собиралась отвечать мне.

— Какой же ты ублюдок! — внезапно воскликнула она, сотрясаясь от ярости.

Не понимая причин ее гнева, я присел на край кровати. Она нервно постукивала пяткой об пол. Затем, не глядя на меня, она села на другой край.

— Чего, собственно, ты хочешь от меня? — спросил я твердо и грозно.

— Я уже сказала тебе, — закричала она. — Ты и я одно!

Я попросил ее объяснить, не допуская ни на мгновение, будто я что-либо знаю. Это разозлило ее еще больше. Она резко вскочила и сбросила на пол свою юбку.

— Вот что я имею в виду! — завопила она, поведя рукой в области лона.

У меня отвисла челюсть. До меня медленно доходило, что я уставился на нее, как идиот.

— Ты и я одно здесь, — опять сказала она.

Я был ошеломлен. Донья Соледад, старая индейская женщина, мать моего друга Паблито, стояла полуобнаженной в нескольких футах от меня, демонстрируя свои гениталии. Я уставился на нее, не в силах даже мыслить связно. Но одно я знал точно: ее тело не было телом старухи. У нее были прекрасные мускулистые бедра, смуглые и гладкие. Костная

структура ее таза хоть и была широкой, но жировых отложений на ней не было.

Она, должно быть, заметила мой изучающий взгляд и бросилась на постель.

— Ты знаешь, что делать, — сказала она, указывая на свое лоно. — Мы едины здесь.

Она обнажила свои прекрасные груди.

— Донья Соледад, я тебя умоляю! — воскликнул я. — Что с тобой происходит, ведь ты мать Паблито!

— Нет, — отрезала она. — Никому я не мать.

Она села и посмотрела на меня горящими глазами.

— Я, как и ты, частица Нагваля, — сказала она. — Нам предназначено соединиться.

Она раздвинула ноги, и я отскочил.

— Подожди немного, донья Соледад, — сказал я. — Давай поговорим.

На меня нахлынул дикий страх, и вдруг возникла сумасшедшая мысль. А что, если дон Хуан спрятался где-нибудь поблизости и хохочет теперь до упаду?

— Дон Хуан! — заорал я.

Мой вопль был таким громким, что донья Соледад поспешно соскочила с постели и натянула на себя юбку. Я увидел, что она одевается, и завопил снова:

— Дон Хуан!

Я ринулся через весь дом, выкрикивая имя дона Хуана до тех пор, пока не заболело горло. Донья Соледад тем временем уже выбежала из дома и стояла у моей машины, с недоумением глядя на меня.

Я шагнул к ней и спросил, не дон ли Хуан велел ей проделывать все это. Она утвердительно кивнула. Я спросил, нет ли его поблизости, на что она ответила отрицательно.

— Расскажи мне все, — потребовал я.

Она рассказала, что лишь следовала распоряжениям дона Хуана. Он велел ей изменить свое существо в воина, чтобы помочь мне. Она сообщила, что ждала годами, чтобы выполнить это обязательство.

— Я очень сильная сейчас, — сказала она мягко. — Как раз для тебя. Но в спальне я тебе не понравилась, правда?

Я принялся объяснять, что дело вовсе не в этом, что я учитывал лишь свои чувства к Паблито; но потом до меня дошло, что я несу какую-то ужасную чушь.

Донья Соледад, по-видимому, поняла мое замешательство и предложила забыть о случившемся.

— Ты, наверное, голоден, — сказала она оживленно. — Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

— Ты мне еще многого не объяснила, — сказал я. — Я буду откровенен с тобой: я не хотел бы оставаться здесь ни за что на свете. Ты пугаешь меня.

— Ты обязан принять мое гостеприимство, если речь идет только о чашке кофе, — сказала она спокойно. — Ну давай забудем об этом.

Она сделала жест, приглашая идти в дом. Тут я услышал глубокое рычание. Рядом стоял пес и смотрел на нас, как будто понимая, о чем идет речь.

Я поймал на себе невероятно пугающий взгляд доньи Соледад. Тут она смягчила его и улыбнулась.

— Не допускай, чтобы мои глаза беспокоили тебя, — сказала она. — По правде говоря, я старая. В последнее время у меня бывают головокружения. Я думаю, что мне нужны очки.

Она разразилась смехом и стала дурачиться, глядя через свернутые кольцом пальцы, словно через очки.

— Старая индианка в очках. Вот смеху будет! — захихикала она.

И тут я решил удрать отсюда без всяких объяснений. Но перед отъездом мне надо было оставить кое-какие вещи для Паблито и его сестер. Я открыл багажник, чтобы достать привезенные им подарки. Я глубоко влез в него, чтобы достать сначала два пакета, уложенные между задним сиденьем и запасной камерой. Нашупав один, я уже собирался взять другой, как вдруг ощутил на шее мягкую пушистую лапу. Я невольно вскрикнул и рванулся из багажника, врезавшись головой в его открытую крышку. Я пытался обернуться, но давление пушистой лапы помешало мне сделать это. Мельком я смог заметить у своего горла серебристую то ли руку, то ли лапу. В панике я судорожно изогнулся, метнулся прочь от багажника и упал на сиденье водителя с пакетом в руке. Все мое тело сотрясало, мускулы ног свело, и я непроизвольно вскочил и побежал прочь.

— Я не собиралась пугать тебя, — сказала донья Соледад извиняющимся тоном, когда я был уже футах в десяти от нее.

Она показала мне ладони своих рук в жесте капитуляции, как бы заверяя меня, что она здесь ни при чем и «это» не было ее рукой.

— Что ты со мной сделала? — спросил я, стараясь говорить спокойно и сдержанно.

Она казалась совершенно сбитой с толку. Пробормотав что-то, она тряхнула головой, так, как если бы не понимала, о чем я говорю, или не могла сказать этого вслух.

— Ну ладно, донья Соледад, — сказал я, приближаясь к ней. — Мне эти шутки не нравятся.

Казалось, она вот-вот расплачется. Я хотел утешить ее, но что-то во мне противилось этому. После короткой паузы я сообщил ей, что произошло у машины.

— Это просто ужасно! — пронзительно воскликнула она.

Она ребячливым жестом закрыла лицо правым предплечьем. Я подумал, что она плачет. Я подошел к ней и попытался было положить руку ей на плечо, но не смог заставить себя сделать это.

— Послушай, донья Соледад, — сказал я, — давай забудем все это. Позволь мне вручить тебе эти пакеты, и я уеду.

Я остановился перед ней, собираясь заглянуть ей в лицо. Я увидел из-за ее руки черные сияющие глаза. Она не плакала. Она смеялась.

Я отскочил назад. Ее улыбка ужасала. Мы долго стояли неподвижно. Она продолжала закрывать лицо, но было видно, что она наблюдает за мной.

Я стоял, парализованный страхом и отчаянием. Положение было безвыходным. Мое тело знало, что донья Соледад — колдунья, и все же я еще не мог поверить в это. Мне отчаянно хотелось верить, что она просто сумасшедшая и ее держат здесь как в психиатрической лечебнице.

Я не отваживался двинуться или отвести глаза. Мы стояли так, должно быть, минут пять. Она не отпускала руку и оставалась неподвижной. Стояла она у заднего крыла машины, почти прислонившись к нему. Крышка багажника была все еще открыта. Я задумал сделать бросок к правой дверце. Ключ зажигания был на месте.

Я немного расслабился, чтобы собрать энергию для броска. Она, кажется, заметила это. Ее рука двинулась вниз, открывая лицо. Зубы у нее были стиснуты, глаза, полные угрюмой решимости, не отрывались от меня. Внезапно она

качнулась ко мне, притопнула правой ногой, как фехтовальщик, и с пронзительным воплем протянула скрюченные пальцы, пытаясь схватить меня за талию.

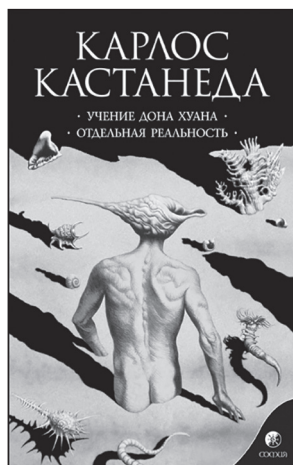
Мое тело отпрянуло назад, из пределов ее досягаемости. Я рванулся к машине, но она с непостижимой ловкостью бросилась мне в ноги и сделала подсечку. Я упал лицом вниз, и она быстро схватила меня за левую ногу. Я поджал правую ногу и оттолкнул ее подошвой ботинка. Наконец она отпустила меня и отпрыгнула назад. Я вскочил на ноги и попытался открыть дверцу машины. Она была заперта. Я перелетел через капот и бросился к другой, но каким-то образом донья Соледад опередила меня. Я попытался перекатиться назад над капотом, но по пути ощутил резкую боль в правой икре. Она вцепилась мне в голень. Я не мог ударить ее левой: она успела прижать обе мои ноги к капоту. Она рванула меня к себе, и я упал на нее сверху. Мы продолжали бороться на земле. Ее сила была поразительной, но еще страшнее были вопли. Я едва барахтался под гигантским давлением ее тела. Дело было не столько в весе, сколько в создаваемом ее телом напряжении. Внезапно я услышал рычание, и огромный пес прыгнул на ее спину, отшвырнув ее от меня. Я встал и хотел броситься в машину, но около дверцы боролись женщина и пес. Единственным спасением был дом. Я оказался там за одну-две секунды. Не оглядываясь, я бросился внутрь и захлопнул за собой дверь, закрыв ее на железную щеколду, потом побежал к черному ходу и проделал то же самое.

Снаружи доносились яростное рычание пса и нечеловеческие вопли женщины. Затем вдруг рычание и лай пса оборвались, и он заскулил, как от страха или боли. Мне словно что-то ударило под ложечку, в ушах зазвенело. Я понял, что попал в ловушку внутри дома. На меня накатила волна полнейшего ужаса. Я клял себя на чем свет стоит за свою идиотскую идею забежать в дом. Атака доньи Соледад настолько ошеломила меня, что отшибла всякую логику и стратегическое чутье. Я вел себя так, словно убегал от обычного противника, которому можно было преградить путь закрытой дверью. Я слышал яростные крики, потом кто-то подошел к двери и налег на нее, пытаясь открыть. Затем слышались громкие удары в дверь.

— Открой дверь, — приказала донья Соледад твердым тоном. — Проклятая собака покалечила меня.

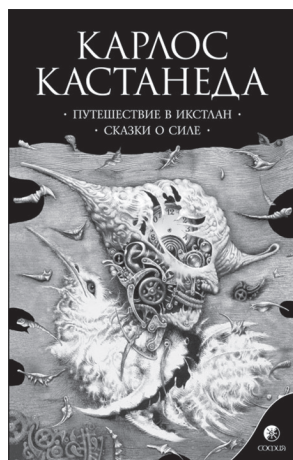
УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА
ПУТЬ ЗНАНИЯ ИНДЕЙЦЕВ ЯКИ
ОТДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Том 1

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТАЛАН
СКАЗКИ О СИЛЕ

Том 2

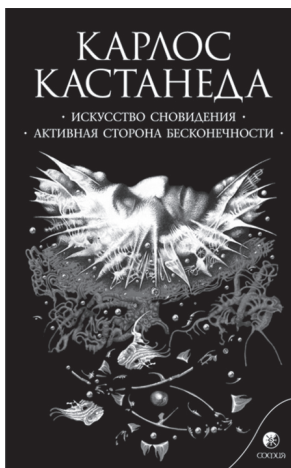
ОГОНЬ ИЗНУТРИ
СИЛА БЕЗМОЛВИЯ

Том 4

ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ
АКТИВНАЯ СТОРОНА
БЕСКОНЕЧНОСТИ

Том 5

16+

Литературно-художественное издание

Карлос КАСТАНЕДА

Второе кольцо силы
Дар Орла

Перевод *И. Старых*

Редактор *И. Старых*

Корректор *Е. Введенская*

Оригинал-макет *Е. Степаненко*

Обложка *В. Миколайчук*

Иллюстрации *В. Ерко*

ООО Книжное издательство «София»
115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:
Издательство «София»
04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 28.08.2017 г.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 5000 экз. Зак.

Отделы оптовой реализации
издательства «София»
в Киеве: +38(044) 492-05-10, 492-05-15
в Москве: +7(499) 643-43-03
в Санкт-Петербурге: +7(812) 676-07-68

www.sophia.ru

Мы в соцсетях

facebook.com/SophiaBooks

vk.com/sophia_publishing

[instagram: sophia_publisher](https://instagram.com/sophia_publisher)